

— Ну как, сытно ли позавтракал? — с порога принялась хлопотать Вторая тетья. — А спалось-то ночью как? Не знобило?

— Всё хорошо, Вторая тетья, — Дин Тянь смущенно улыбнулся. Ему было непривычно: в прошлой жизни никто не окружал его таким пристальным вниманием.

— Вот и славно. Гуйхуа, ну-ка поживее! Наноси воды, подмети пол, да принеси мне тряпку!

Вторая тетья пришла навести у него порядок. В самом деле, что смыслит в уборке пятнадцатилетний парень?

В доме царил порядок лишь потому, что обе тетушки через день прибегали сюда прибраться. Обычно они брали с собой дочерей — Гуйхуа, старшую у Второй тети, и Чахуа, дочку Третьей тети.

Эти две девчушки были единственными «цветочками» среди подрастающего поколения семьи Дин.

У Второй тети первенцем была тринадцатилетняя Гуйхуа, вторым рос десятилетний Дин И, а самым младшим — шестилетний Дин Цзи.

В семье Третьей тети старшим был двенадцатилетний Дин Кэ, за ним шла десятилетняя Чахуа, а самой крохой — трехлетний Дин Чэн.

— Давай я сам! — поспешно отозвался Дин Тянь. Ему было не по себе при мысли, что едва вошедшая в пору отрочества девчушка станет таскать для него воду и выметать сор. Совесть не позволяла так бариться.

— Не нужно, братец! Выйди лучше на улицу, подыши воздухом, а то сейчас пыль столбом поднимется, — отмахнулась Дин Гуйхуа.

Глупенькая девчонка и не догадывалась о его неловкости. Она лишь радовалась, что двоюродный брат оправился после тяжелого недуга. Совсем недавно её отец тайком ходил в гробовую лавку прицениваться к сосновому ящику, матушка украдкой утирала слезы, а Третья тетья в голос проклинала ту бесстыжую родню бывшей невесты, не стесняясь в выражениях.

Младшие так напугались, что боялись потерять старшего брата. Каждый день они гурьбой прибегали к его постели, проверяя, дышит ли он вообще.

Теперь, когда он снова твердо стоял на ногах, они дышать на него боялись — какой уж тут тяжелый труд?

— Вот именно, проветришь, на белый свет погляди, — подхватила Вторая тетья. — А если уж неумоготу без дела сидеть, сходи к деревенскому старосте. Надо бы решить вопрос с твоей землёй.

Она тоже вовсю пеклась о наследных наделах племянника.

Срок траура истек, и теперь парню предстояло самому держать дом. Родня, конечно, подсобит, но он должен крепко встать на ноги, чтобы чужие люди не смели зубы скалить.

— Хорошо, Вторая тетья, я всё понял. Если вы с Гуйхуа захотите пить, в кухне на печи есть кипяток. — На дворе стоял февраль, холода еще не отступили, так что печь топили жарко, иначе в доме сразу становилось сыро и промозгло. — А я пока пойду скотину покормлю.

В свинарнике его ждали два весьма упитанных борова.

— Ступай, ступай! — отозвалась Вторая тетья, уже вовсю орудуя тряпкой по столешнице.

Маленькая Чахуа тем временем принялась аккуратно складывать его постель.

Варево для свиней еще с утра приготовила ушедшая Третья тетья. Деревенские не жалели дров на это дело, зная простую истину: от теплого, запаренного корма скотина и жир быстрее нагуливает, и в холода не захворает.

Готовилось это нехитрое пойло просто: высушенную с осени сорную траву бросали в чан, заливали водой после мытья котлов — в ней оставалась соль, придававшая корму хоть какой-то вкус, — щедро сыпали отруби и рисовую шелуху, после чего запаривали до густоты сытной каши.

Глядя на то, как в загоне лениво похрюкивают два упитанных борова, Дин Тянь задумчиво потер подбородок. Этих поросят ему подарили второй дядя и третий дядя сразу после похорон отца. Хотели занять племянника делом, чтобы тот не изводил себя черными мыслями в пустом доме. Затея увенчалась успехом лишь наполовину: парень исправно чистил хлев, но тоски это не убавило. Свободное время он коротал за старыми книгами и случайными свитками, пытаясь забыть.

Слишком сильно он был привязан к отцу, с которым делил все невзгоды с самого детства. Кончина единственного близкого человека подкосила беднягу, а последовавший сразу за трауром позорный разрыв помолвки окончательно лишил его воли к жизни.

Зато свиней он вырастил на зависть соседям. Сам-то прежний хозяин три года соблюдал строгий траур и не притрагивался к скоромному. Теперь запреты пали, но набивать ослабленный болезнью желудок жирным было опасно — приходилось довольствоваться лишь жидкой рисовой кашей на мясном бульоне.

«И всё же, боровы выросли знатные. Может, к Празднику драконьих лодок заколоть одного?»

Дин Тянь стоял у ограды свинарника и, плотоядно прищурившись, шумно сглатывал набежавшую слюну.

<http://bllate.org/book/19387/1939381>